

Лужная Мария Михайловна
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
г. Москва, Российская Федерация
nota_maria@mail.ru

Прагматическая омонимия контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов несогласия, возражения и прямых речевых актов вопроса в повседневном общении

Аннотация

Целью данной статьи является описание речевых актов с одинаковым лексико-грамматическим составом и синтаксическим строением, а именно – прямых речевых актов вопроса (рогативов) и контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов (КСКРА) несогласия, возражения (в том числе их иронических реализаций), репрезентирующих явление прагматической омонимии. В основе формирования этих омонимичных высказываний лежит явление прагматической транспозиции. Вопросы выступают в качестве транспонируемого средства, а результатом транспозиции являются КСКРА несогласия и возражения. В рамках данной статьи рассматриваются омонимичные высказывания со значением вопроса, несогласия и возражения, содержащие вопросительные слова *кто* и *почему* в повседневной русскоязычной коммуникации. Материалом для исследования послужили записи устной речи, текстовые фрагменты из русской художественной литературы XXI века, диалоги пользователей интернет-форумов (повседневная коммуникация), фрагменты эпизодов российских телесериалов. С помощью контекстно-ситуативного (дискурсивного) и количественного анализа, а также описательно-аналитического метода 1) выявлена доля КСКРА с вопросительными словами *кто* и *почему* от общего числа реализаций КСКРА несогласия и возражения в форме вопроса, 2) описаны прагматические значения речевых реализаций, представляющих собой моноинтенциональные КСКРА несогласия, возражения и полиинтенциональные КСКРА несогласия, возражения, осложнённые коммуникативными смыслами иронии и упрёка.

Ключевые слова: повседневная коммуникация, прагматическая омонимия, прагматическая транспозиция, вопрос, контекстуально-ситуативные косвенные речевые акты, несогласие, возражение

© Лужная М. М. 2024

Для цитирования: Лужная М. М. Прагматическая омонимия контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов несогласия, возражения и прямых речевых актов вопроса в повседневном общении // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 100–123.

Maria M. Luzhnaya
Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russian Federation
nota_maria@mail.ru

Pragmatic homonymy of indirect speech acts of disagreement, objection and interrogative statements in everyday communication

Abstract

The paper aims to describe speech acts with the same lexical and grammatical composition and syntactic structure representing the pragmatic homonymy of utterances. These are direct speech acts (interrogatives) and contextually indirect speech acts of disagreement, objection (including their ironic implementations). Such homonymous

utterances patterns are based on the pragmatic transposition. Interrogatives are transposable elements while contextually and situationally indirect speech acts (CSISA) of disagreement and objection are the result of the transposition. The focus is made on homonymous statements with the meaning of a question, disagreement and objection containing the interrogative words *who* and *why* in everyday Russian-language communication. Discursive and quantitative analysis as well as descriptive and analytical methods were used to process the material of daily Russian oral speech samples, XXI century Russian fiction examples, Internet communication user's dialogues and Russian television series episodes. Quantitative method, discursive analysis (context and situation) and descriptive-analytical method enabled to 1) discover the share of CSISA with question words *who* and *why* among all CSISAs of disagreement and objection expressed in the form of a question; 2) describe the pragmatic meanings of speech implementations, which represent monointentional CSISA of disagreement, objection and polyintentional CSISA of disagreement, objection and identify the accompanying meaning of reproach and irony.

Keywords: everyday communication, pragmatic homonymy, pragmatic transposition, question, contextual and situational indirect speech acts, disagreement, objection

© Luzhnaya M. M. 2024

For citation: Luzhnaya, M. M. (2024). Pragmaticheskaya omonimiya kontekstual'no-situativnykh kosvennykh rechevykh aktov nesoglasiya, vozrazheniya i pryamykh rechevykh aktov voprosa v povsednevnom obshchenii [Pragmatic homonymy of indirect speech acts of disagreement, objection and interrogative statements in everyday communication]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 100–123.

1. Введение [Introduction]

Явление прагматической омонимии в современном языкознании получило двойное толкование. Во-первых, этот термин может трактоваться как употребление одного и того же речевого акта (далее – РА) в несходных коммуникативных ситуациях для реализации разных интенций [Андреева, 1984 ; Михальская, 1998 ; Матевосян, 2005 ; Глазкова, 2007 ; Бирюкова, 2008 ; Нестерова, 2021 а и др.]. В частности, «с различными намерениями говорящий может использовать, например, риторический вопрос (отрицательные и положительные оценки, привлечение внимания, выражение иронии, сарказма и пр.)» [Михальская, 1998, с. 167]. Так, высказывания *Зачем ты это сделал?*; *Чьи это носки?* в зависимости от коммуникативной ситуации могут представлять собой РА запроса информации или РА упрёка [Михальская, 1998, с. 167–168]. С. В. Андреева, исследуя интенции, которые могут быть реализованы в вопросительных по форме РА, пишет о возможности «омонимичных совпадений вопросительных высказываний и высказываний других коммуникативных типов» – запрос информации, несогласие с мнением и побуждение, – демонстрируя это на специальном вопросе *Почему не поможешь?* в разных контекстах [Андреева, 1984, с. 170–172]. Согласно С. Н. Глазковой, прагматические омонимы имеют формальное совпадение при различном ситуативном контексте, который меняет их семантическую структуру [Глазкова, 2007, с. 63]. Значения, которые способны выражать высказывания с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом, включают собственно вопрос, сообщение, побуждение, благодарность, согласие, разрешение, отрицания, несогласия, возражения, отказ, упрек, запрет (о моно- и полиинтенциональных контекстуально-ситуативных косвенных РА см. в [Нестерова, 2021 а]). Так, просьба может быть выражена: 1) сообщением об испытываемом дискомфорте в сочетании с запросом мнения адресата (*Как-то душно здесь, тебе не кажется?* (= открой окно)); 2) вопросом о наличии данного предмета у адресата (*У тебя есть мобильный?* (=дай позвонить)); 3) вопросительным высказыванием, представляющим собой шутивную просьбу-напоминание (*А мы сегодня будем обедать?* (= накрывай на стол)) [Нестерова, 2021 а, с. 55]. Механизмом порождения этих РА является прагматическая транспозиция [Нестерова, 2021 а,

с. 52]. При этом вопросительное значение в транспонированной конструкции может сохраняться или элиминироваться. Т. В. Нестерова подробно рассматривает феномен прагматической омонимии применительно к этикетным РА (контактивы), функционирующим в повседневной русскоязычной коммуникации (в том числе в поликодовой коммуникации) [Нестерова, 2013 б, 2019, 2021 б].

Во-вторых, термин «прагматическая омонимия» может использоваться по отношению к ситуации, когда коммуниканты употребляют схожие лингвистические приёмы для достижения разных целей [Lakoff, Tannen, 1984]). В этой связи Р. Лакофф и Д. Таннен описывают приёмы «шквал вопросов» [Lakoff, Tannen 1984] и «пулемётный вопрос» [Tannen, 1980]. РА, выражающие различное значение в зависимости от ситуации общения, авторы не рассматривают.

Ц е л ь данной статьи – описать прагматическую омонимию высказываний разных коммуникативных типов в повседневной коммуникации на примере РА несогласия, возражения и РА вопроса. В рамках данной статьи нас интересуют прагматические транспозиции прямых РА (далее – ПРА) с вопросительными словами *кто* и *почему* в контекстуально-ситуативные косвенные РА (далее – КСКРА), реализующие интенции несогласия, возражения. Под КСКРА мы вслед за Н. И. Формановской понимаем «высказывания, которые в изолированном от контекста виде не распознаются носителями языка со стороны того интенционального значения, ради которого они произведены» [Формановская, 2002, с. 118].

О б ъ е к т данной статьи – повседневная (русскоязычная) коммуникация, под которой вслед за А. Ю. Константиновой мы понимаем «устное, неофициальное, межличностное, непубличное, непринужденное общение с ярко выраженными признаками спонтанности или невысокой степени подготовленности и разговорности» [Константинова, 2017, с. 27]. В сферу повседневной коммуникации входит «и неофициальное общение людей, объединённых одной профессией (например, разговор в школьной учительской или на кафедре в вузе), и индивидов, связанных общим увлечением (автомобилистов, рыбаков, любителей бани и т. п.). Сюда же следует отнести многие формы речевого взаимодействия родственников и друзей» [Седов, 2011, с. 34].

2. Обзор литературы [Literature Review]

2.1. Прагматическая омонимия в исследованиях по фонетике и грамматике [Pragmatic homonymy in phonetics and grammar studies]

Коммуникативно-прагматическое изучение языка развивается на базе системного представления о его уровне устройстве [Формановская, 2007], поэтому необходимо различать такие понятия, как «предложение» (единица синтаксиса) и «высказывание / РА» (единица речи). Вслед за Е. В. Падучевой, под РА (высказыванием) мы понимаем актуализированное в речи предложение, обладающее определённым коммуникативным намерением (иллокутивной функцией) [Падучева, 2008, с. 38]. Высказывание наделено интонацией, которая играет «огромную роль в реализации интенционального, эмоционального, оценочного значения / смысла» [Формановская, 2002, с. 30].

РА со значением несогласия, возражения часто описываются через понятие отрицания [Бердник, 1974 ; Брызгунова, 1979 ; Фёдорова, 1996 и др.]. Мы принимаем точку зрения тех авторов, которые считают, что отрицание является формально-логической и грамматической категорией, на основе которой могут актуализироваться РА несогласия и возражения [Ремизова, 2001 ; Боргер, 2004 ; Болдырев, 2011 и др.].

Интересующие нас прагматические омонимы, образованные с помощью механизма **п р а г м а т и ч е с к о й т р а н с п о з и ц и и**, рассматриваются в исследованиях, ведущихся как «на уровне языка», так и «на уровне речи». Эта ситуация стала

причиной анализа обширного пласта научной литературы: мы изучили явление прагматической омонимии, описанное не только в работах по прагмалингвистике, но и фонетике, морфологии, синтаксису. Несмотря на то, что данное явление исследуется на разных языковых уровнях и иллюстрируется значительным практическим материалом, сам термин «прагматическая омонимия» в трудах учёных по фонетике и грамматике не используется. Надо отметить, что в работах некоторых авторов можно наблюдать терминологический сбой: в качестве номинации речевых реализаций, содержащих прагматические омонимы, они используют термин «предложение», а не «высказывание / РА».

В первую очередь обратимся к работам, в которых описаны различные типы интонационных конструкций – формально совпадающие высказывания со значением собственно вопроса и несогласия, возражения [Брызгунова, 1979; Муханов, 1988; Скворцова, 1988 и др.]. Так, Е. А. Брызгунова, исследуя смысловозначительные возможности интонации, акцентирует внимание на высказываниях «с одинаковой синтаксической конструкцией и лексическим составом» [Брызгунова, 1979, с. 81–82], проводя сравнение собственно вопросительных высказываний и ответных вопросительных реплик со значением несогласия, возражения (*Почему неправильно?* и *Какая девочка?*), и отмечает, что интонация не является различительным признаком приведённых конструкций, их значение дифференцируется за счёт контекста. Аналогичного мнения о ведущей роли контекста придерживается Е. В. Скворцова, которая исследовала интонацию местоименного вопроса [Скворцова, 1988, с. 52, 64].

И. Л. Муханов, анализируя интонацию экспрессивно-отрицательных предложений со словом *какой*, приходит к выводу, что эти конструкции могут вступать в омонимичные отношения, выражая вопрос, экспрессивную оценку и экспрессивное отрицание действия, наличия, признака, причины (примеры см. [Муханов, 1988, с. 81–82]. По мнению лингвиста, «экспрессивное отрицание действия» формирует значение «запрета, отказа» [Муханов, 1988, с. 48]. Коммуникативные значения других видов отрицания не описываются. На наш взгляд, «экспрессивное отрицание наличия» и «экспрессивное отрицание тождества» способны формировать значение возражения: при помощи приведённых автором ответных реплик говорящий может возражать на фактуальную информацию, содержащуюся в утверждении. «Экспрессивное отрицание признака» и «экспрессивное отрицание причины» могут реализовывать значение несогласия, например, с положительной оценкой, данной партнёром по коммуникации, либо с оценкой ситуации, выраженной в иницирующем высказывании. По мнению И. Л. Муханова, «интонация приведённых реплик-реакций во многих случаях совпадает» [Муханов, 1988, с. 87–88]. Автор отмечает, что «наибольшей различительной силой обладает ИК-7, которая является верным сигналом отрицательного содержания высказывания» [Муханов, 1988, с. 88], однако «вопрос и отрицание наличия могут произноситься с одинаковой интонацией – нейтральной ИК-2» [Муханов, 1988, с. 89]. Вследствие этого автор так же, как и Е. А. Брызгунова и Е. В. Скворцова, приходит к выводу, что интонация не является главным средством для различения значений этих предложений, здесь необходим учёт сопровождающих реплик и кинетических средств (мимика, жесты) [Муханов, 1988, с. 87].

На уровне грамматики учёные описывают явления синтаксической и функциональной омонимии [Адамец, 1992; Ахманова, 2005; Бабайцева, 2000; Данеш, 1964; Ким, 1978; Колесников, 1981 и др.]. Обратимся к первому понятию. С и н т а к с и ч е с к и омонимичным является любое предложение, которому слушатель может дать более чем одну (семантическую) интерпретацию [Данеш, 1964, с. 3; Адамец, 1992, с. 46–47]. По мнению Л. В. Фёдоровой, возникновение синтаксической омонимии между предложениями с собственно вопросительным значением и со значением отрицания связано «со способностью определённой конструкции выражать и вопрос, и сообщение», её результатом становится «неразличение со стороны слушателя семантики риториче-

ческого вопроса и принятие его за собственно вопрос», при этом показателем ошибочного восприятия характера вопроса со стороны слушателя является то, что он даёт ответ на риторический вопрос [Фёдорова, 1996, с. 67]. Ещё одним случаем синтаксической омонимии вопросительных предложений Л. В. Федорова называет формальное совпадение частных и «цитатных» вопросов. Под «цитатными» вопросами автор, вслед за Н. Д. Арутюновой, понимает «диалогическую реакцию на предшествующее высказывание, из которого и происходит заимствование чужих слов» [Арутюнова, 1986, с. 55]. Отметим, что автор термина «цитатный вопрос», Н. Д. Арутюнова, пишет, что инициирующие высказывания для этих вопросов «стимулируют развитие целого спектра экспрессивно окрашенных реакций, таких, как <...> несогласие, возражение» [Арутюнова, 1986, с. 57]. К сожалению, примеры синтаксической омонимии между вопросительными высказываниями и «цитатными вопросами» со значениями несогласия, возражения Л. В. Федорова не рассматривает. Синтаксические омонимы, описанные автором, представляют собой результат синтаксической транспозиции, заключающейся в употреблении предложения одного структурно-коммуникативного типа в функции другого типа [Походня, 1984; Михайлов, 1994; Арнольд, 2002].

Далее перейдём к рассмотрению явления функциональной омонимии. Этот термин был введён О. С. Ахмановой [Ахманова, 2005] и получил подробное описание в трудах В. В. Бабайцевой [Бабайцева, 2000]. Функциональные омонимы определяются как «этимологически родственные слова, совпадающие по звучанию, но относящиеся к разным частям речи» [Бабайцева, 2000, с. 194]. Авторы обращаются к вопросительным предложениям при изучении изменения морфологического статуса и синтаксической функции вопросительных местоимений и наречий (явление переходности) [Бабайцева, 2000; Шмелёв, 2002; Шигуров 2009; Степанова, 2009] и др. Однако существуют и исследования, авторы которых выходят за пределы грамматического уровня языка и анализируют формально совпадающие вопросительные конструкции, выражающие разное значение [Кубарев, 1963; Бердник, 1974; Чернова, 2002; Власова, 2020 и др.]. Так, Е. М. Кубарев, обращаясь к исследованию функционального омонима *какой (врач)*, указывает, что он может входить в обычную вопросительную конструкцию, имеющую целью запрос информации, либо в конструкцию, синонимичную предложению с обычным выражением отрицания [Кубарев, 1963, с. 38] (см. также омонимы *какая (книга)* [Чернова, 2002, с. 50], *что (читать / скажешь)* [Бердник, 1974, с. 117; Власова, 2020, с. 91]). Как видим, авторы зачастую используют прагматический подход для того, чтобы охарактеризовать изменение частеречного статуса вопросительных слов, т. е. обращаются к анализу функционирования этих единиц в речи. В основе формирования функциональных омонимов, по мнению учёных [Бабайцева, 2000; Гребенева, 2012; Ярцева, 2002 и др.], лежит явление функциональной транспозиции, которая понимается как «перевод слова (или основы слова) из одной части речи в другую или его употребление в функции другой части речи» [Ярцева, 2002, с. 519].

2.2. Вопросы vs речевые акты несогласия / возражения [Questions vs disagreement speech acts]

В «Словаре экспрессивных устойчивых фраз русского языка» отражены РА, способные в зависимости от контекста выражать значения как собственно вопроса, так и несогласия, возражения [Меликян, 2016]: *Куда там ему ехать?* [Меликян, 2016, с. 89]; *Откуда он может быть?* [Меликян, 2016, с. 136]. Данные единицы, выражая значение отрицания, «стремятся к конвенциализации» [Меликян, 2016, с. 4]. Г. В. Колшанский, рассуждая о связи коммуникативной функции высказывания с контекстом его произнесения, приводит пример вопроса *Не слышали ли Вы о «сроке давности»?!*, способного «менять свою коммуникативную направленность в зависимости от условий конкретного

акта коммуникации, а также интенции говорящего» [Колшанский, 1984, с. 71]: 1) действие спрашивания когда, «говорящему известен лишь факт существования закона о сроке давности, но не известны его основные положения, при этом говорящий предполагает, что слушатель имеет необходимые ему сведения об этом законе» [Колшанский, 1984, с. 70–71]; 2) угроза привлечь к суду за пособничество в годы войны немецким фашистам [Колшанский, 1984, с. 69], при этом собеседник, на которого направлена угроза, считает невозможным (нереальным) осуществление этой угрозы другим собеседником, поскольку знает о существовании закона, согласно которому преследование нацистских преступников прекращено [Колшанский, 1984, с. 70]. Отсюда следует вывод о том, что данное вопросительное высказывание по существу представляет собой утверждение, выражающее оценку степени реальности осуществления угрозы и передающее эмоциональное состояние говорящего [Колшанский, 1984, с. 70]. На наш взгляд, рассматриваемое высказывание может быть описано как РА возражения, при помощи которого говорящий оценивает информацию, представленную собеседником, как недостоверную.

Многие авторы разделяют мнение Г. В. Колшанского о том, что ответное вопросительное высказывание, являясь негативной реакцией на иницирующее высказывание, переходит из класса РА вопроса (рогатив) в класс РА утверждения, сообщения (репрезентатив, ассертив) [Андреева, 1984; Егорова, 1989; Мирсеитова, 1991; Цурикова, 1992; Балашова, 2006; Минина, 2006]. В этом случае наблюдается отсутствие соответствия между формой и содержанием РА: «один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путём осуществления другого» [Сёрль, 1986, с. 196], т. е. происходит формирование косвенного РА (КРА) [Сёрль, 1986]. Все КРА подразделяются на конвенциональные КРА (ККРА), которые «распознаются в своём интенциональном значении в единичном высказывании, изолированном от контекста» [Формановская, 2002, с. 118], и контекстуально-ситуативные КРА (КСКРА) [Формановская, 2002, с. 118].

На материале многочисленных примеров Т. В. Нестерова, рассматривает различные типы прагматических транспозиций [Нестерова, 2021 а, с. 57–58]:

1) транспозиций вопросов (прямое значение – запрос информации) в экспрессивы со значением отрицания, несогласия, возражения или невозможности (иногда в сочетании с упрёком) (КСКРА): *Чему они тебя научили? – Плавать с аквалангом. – Чему они тебя научили?! (=ничему не научили; эмоциональный ряд: недовольство, возмущение, негодование) – Неправда. Кое-чему научили и т. д.;*

2) транспозиций вопросов (прямое значение – запрос информации) в экспрессивы со значением несогласия, возражения, отказа (иногда в сочетании с неодобрением, иронией, насмешкой) (КСКРА): *– Принеси, пожалуйста, воды! – А больше ничего не хочешь? Может быть, тебе бутерброд сделать? – Я хочу «Лексус»! – А больше ничего не хочешь?! (отказ, неодобрение, ирония, насмешка; эмоциональный ряд: удивление, недовольство, возмущение, негодование) и т. д.*

Необходимо отметить, что несмотря на большую распространённость РА (в том числе КСКРА) несогласия и возражения в повседневной коммуникации, данные реализации не получили исчерпывающего описания в работах лингвистов. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что данные РА не имеют чёткого разграничения. Я. В. Боргер даёт общую дефиницию этим высказываниям: «реактивный акт, отражающий позицию говорящего, противоположную позицию собеседника, представляющий собой информативное или оценочное высказывание с различными эмоциональными оттенками (осуждения, неодобрения и другие) и имеющий в речи определённое воплощение» [Боргер, 2004, с. 100]. Однако нам представляется целесообразным различать РА несогласия и возражения по тому, с какой частью иницирующего высказывания они соотносятся (подробнее об этом см. [Лужная, 2022]). Такая дифференциация РА на материале русского языка предложена Н. Д. Арутюновой: «среди типов стимулов и реакций

существенно различать стимулы и реакции, прямо ориентированные на сообщение, или диктум, и стимулы и реакции, связанные с субъективным отношением говорящего к сообщению, или модусом» [Арутюнова, 1998, с. 656]. На наш взгляд, возражение связано с диктумом (в другой терминологии – «пропозитивная часть высказывания» [Формановская, 2007, с. 31]), а несогласие – с модусом («отражает точку зрения, оценки, отношения говорящего» [Формановская, 2007, с. 31]). Продемонстрируем это различие на двух примерах, где несогласие и возражение являются реакциями на комплимент [Иссерс, 1999, с. 179–181]: 1) – *Браво, Наташка! Остальные рядом с тобой уродины. – Не преувеличивай* [Иссерс, 1999, с. 179]; 2) – *Ты удачно купила это платье. Как раз под цвет глаз. – А у меня глаза серые, между прочим* [Иссерс, 1999, с. 181]. По нашему мнению, первый пример демонстрирует несогласие говорящего с оценочной составляющей комплимента, а второй – возражение на информацию, представленную в иницирующем РА.

Конечно, в реальной коммуникации зачастую «формируя ответный речевой ход, адресат реагирует как на содержание сообщения иницирующей реплики, так и на её модусную составляющую» [Гельпей, 2007, с. 116]. В этом случае происходит реализация полиинтенционального РА несогласия-возражения, как, например, в диалоге молодого человека с бабушкой его девушки, которой он рассказывает о смерти родителей: *А как так получилось? Выпивали, наверное, тоже... – На машине разбились* (из телесериала «Обычная женщина»). При помощи ответного РА адресант возражает на фактическую информацию, а также не соглашается с вероятностной оценкой.

РА несогласия и возражения являются потенциально конфликтными [Боргер, 2004] и относятся к «ликоущемляющим» (противоречащим интересам адресата [Кунаева, 2009]), поэтому большинство реализаций этих РА являются косвенными. Причём наиболее приспособленной формой для косвенного выражения интенций несогласия и возражения является вопрос [Смирнова, 2002]. Реализации РА несогласия и возражения, имеющие форму вопроса, становились объектом изучения многих учёных [Андреева, 1984; Егорова, 1989; Мирсеитова, 1991; Цурикова, 1992; Смирнова, 2002; Боргер, 2004; Балашова, 2006; Минина, 2006; Нестерова, 2021 а]. Однако фундаментальные исследования именно КСКРА несогласия и возражения на сегодняшний день отсутствуют. Данные единицы являются всего лишь иллюстративным материалом к анализу функционирования КРА негативной реакции и не всегда рассматриваются авторами как примеры РА «второй степени косвенности». В частности, Я. В. Боргер не разграничивает РА «первой» и «второй степени косвенности» и не подвергает последние специальному изучению.

Как уже было отмечено выше, механизмом образования ККРА и КСКРА несогласия, возражения, имеющих форму вопроса, является прагматическая транспозиция [Андреева, 1984; Походня, 1984; Егорова, 1989; Михайлов, 1994; Балашова, 2006; Ляшенко, 2020; Нестерова, 2021 а и др.], которая заключается «в замене одной речекommunikативной цели другой в рамках акта общения» [Почепцов, 1980, с. 8]). Данные единицы, согласно Л. М. Михайлову, репрезентируют явление нейтрализации: «происходит полное снятие интенции вопросительности (интеррогативности) и приобретение интенции "изложение информации"» [Михайлов, 1994, с. 121] (также см. об этом [Андреева, 1984; Кобозева, 1988; Егорова, 1989; Цурикова, 1992; Ремизова, 2001 и др.]). Т. Г. Егорова, анализируя особенности прагматических транспозиций вопросительных высказываний в английском языке (не разграничивая при этом несогласие и возражение), пишет, что такое транспонированное высказывание «в терминах теории речевых актов представляет собой косвенный констатив» [Егорова, 1989, с. 8]. К аналогичному выводу приходит И. М. Кобозева по поводу риторических вопросов типа *Что я мог предпринять в такой ситуации?* [Кобозева, 1988, с. 43]. На наш взгляд, в ответной реплике диалога этот РА может выражать значение несогласия: *Ты ужасно поступил. – Что я мог предпринять в такой ситуации?* С. В. Андреева считает, что при прагматической транспози-

ции вопросительного высказывания в несогласие и возражение «происходит процесс нейтрализации вопросительного значения и актуализации значения сообщения» [Андреева, 1984, с. 168], как в примере *Мне опять самое трудное! – А мясо молотье разве не трудно?* [Андреева, 1984, с. 133], где говорящий, не соглашаясь, сообщает о ложной оценке ситуации партнёром по коммуникации (см. пример с аналогичной интерпретацией [Ремизова, 2001, с. 16]).

Л. В. Цурикова на материале французского и английского языков рассматривает вопросительное предложение как довольно распространённую форму выражения ассертива (констатива) [Цурикова, 1992, с. 100]. Решающим коммуникативным условием использования вопросительной структуры для выражения ассертивного РА, согласно автору, является отсутствие информационной лакуны в знаниях говорящего и, как следствие, отсутствие намерения её заполнить / и наличие коммуникативной интенции сообщить адресату некоторую информацию о каком-либо событии, явлении действительности или его аксиологическую оценку [Цурикова, 1992, с. 100]. Анализируя РА *Кто придумал такую глупость?*, С. В. Минина пишет, что, используя данный РА, говорящий выражает «ассертивную иллокутивную цель, то есть информирует собеседника о том, что [ему] известны некоторые факты действительного мира» [Минина, 2006, с. 103]. Данный РА может выражать значение возражения: *Тональный крем портит кожу. – Кто придумал такую глупость?!* [https://m.vk.com/wall-134861779_5085].

Мы принимаем точку зрения В. М. Труба, который пишет о том, что РА несогласия и возражения, выражающие негативную оценку истинности, следует рассматривать как виды утверждений корректирующего типа [Труб, 1994, с. 44]. В. М. Труб аргументирует эту позицию тем, что при утверждении «мысль <...> о ситуации Р уже находилась или появляется в общем текущем поле зрения говорящего и слушающего» [Труб, 1994, с. 44], в то время как «цель сообщения состоит в том, чтобы подать в рамках текущей смысловой порции новую информацию (рему) об элементе, являющемся темой данной смысловой пропозиции» [Труб, 1994, с. 45].

Результатом прагматической транспозиции вопросительных высказываний могут быть иронические РА (в том числе несогласия, возражения) [Жаров, 1997; Мирсеитова, 1991; Нестерова, 2013 б, 2019, 2021 б; Походня, 1984; Слепцова, 2008; Чумак, 2005 и др.]. В частности, С. И. Походня, анализируя речевые явления на синтаксическом уровне, отмечает, что ироническое значение в транспонируемых конструкциях появляется за счёт того, что одновременно реализуются прямое (структурное вопросительное) и переносное (контекстуальное утвердительное) значения [Походня, 1984, с. 77]. Однако автор рассматривает только иронический РА отказа, полученный в результате транспозиции РА запроса информации. С. С. Мирсеитова считает, что в транспонируемом вопросительном высказывании со значением несогласия выражаются две интенции: «ирония и вопрос» [Мирсеитова, 1991, с. 13]. Автор поясняет эту мысль следующим примером: – *Потому что так пожелал Бог в своей бесконечной мудрости. – Что это за Бог, который терпит столько страданий?* [Мирсеитова, 1991, с. 12]. По мнению автора, ироническим выделенный РА несогласия становится за счёт того, что в нём сохранено значение вопроса [Мирсеитова, 1991, с. 12]. В. Е. Жаров пишет о том, что при транспозиции вопросительного высказывания в иронический РА значение вопроса полностью «не уходит», иллюстрируя свою точку зрения при помощи следующей реализации: – *Семья. Нужно обязательно сообщить семье. – Почему бы не дать сообщение в газету?* [Жаров, 1997, с. 124]. По мнению В. Е. Жарова, используя данный иронический РА возражения в форме вопроса, говорящий делает вид, что принимает точку зрения собеседника и уточняет некоторые детали [Жаров, 1997, с. 124].

Между тем, существует мнение, что интенция вопроса нейтрализуется [Боргер, 2004; Слепцова, 2008; Чумак, 2005 и др.]. М. А. Слепцова, исследуя иронические РА (в

том числе и вопросительные высказывания со значением несогласия, возражения) на материале французского языка, указывает, что данные РА полностью соответствуют ассертивам, поскольку при помощи этих единиц говорящий всегда сообщает собеседнику о своей негативной оценке [Слепцова, 2008, с. 38]. Как отмечает В. В. Чумак, говорящий, использующий вопросительный иронический РА, задаёт вопрос, делая вид, что его интересует ответ, тогда как «в действительности адекватный серьёзный ответ на иронический вопрос невозможен» [Чумак, 2005, с. 46]. Обратимся к следующему примеру автора: *Джон. – Вот увидишь, я больше тебя не расстрою. Ларита (улыбаясь) – Правда, Джони?* [Чумак, 2005, с. 54]. Комментируя данную реализацию, автор пишет, что адресант иронического вопроса отрицает «возможность выполнения Джоном принятого им обязательства» [Чумак, 2005, с. 54]. Ирония в данном примере возникает за счёт того, что говорящим нарушаются «условия искренности, предусматривающего то, что говорящий хочет получить информацию от адресата» [Чумак, 2005, с. 42], т. е. вопросительное значение в данном РА отсутствует. Я. В. Боргер считает, что в ответной реплике приведённого далее диалога реализуется иронический РА несогласия в форме вопроса: – *Американец этот из Краснодарского края – брачный аферист, за версту видать. <> – И откуда только вы такой, Евгений, грамотный? Из какой деревни? То да потому, то да потому, толкует, толкует чего-то* [Боргер, 2004, с. 147]. По мнению автора, адресант иронического высказывания не соглашается с негативной оценкой поведения своего жениха, данной партнёром по коммуникации. В этом РА отсутствует интенция вопросительности, он «имеет целью высмеять собеседника» [Боргер, 2004, с. 147]. Мы принимаем точку зрения тех авторов [Боргер, 2004 ; Слепцова, 2008 ; Чумак, 2005 и др.], которые пишут о том, что при транспозиции вопросительного высказывания в иронические РА несогласия, возражения значение вопроса «уходит», а иронический смысл появляется за счёт нарушения максимы качества: «не говори того, что считаешь ложным» [Грайс, 1985, с. 213]. Реализуя иронические РА несогласия и возражения в форме вопроса говорящий произносит высказывание, в содержание которого он не верит, и это очевидно и ему самому, и его собеседнику [Грайс, 1985]. В этом случае, вопросительная форма – это сигнал «роли "несведущего простака", маски, которую надевает на себя говорящий» [Шилихина, 2014, с. 81].

Мы согласны с теми учёными, которые определяют иронию как КРА [Дементьев, 2000 ; Слепцова, 2008 ; Шатуновский, 2016 и др.] (а именно – КСКРА), «иллокутивная сила которого порождается в результате взаимодействия иллокутивной силы простого речевого акта с ироническим намерением говорящего» [Шатуновский, 2016, с. 78]. Иронические РА выражают «коммуникативные смыслы, которые могут иметь только не прямое выражение», в случае же прямого выражения они представляют собой «иллокутивные самоубийства» [Нестерова, 2015, с. 157]. Таким образом, ирония – это «характерная разновидность не прямой коммуникации, не имеющая стандартной формы выражения» [Дементьев, 2000, с. 20], так как «используется адресатом с целью оригинального, вызывающего, непредсказуемого реагирования на высказывание говорящего» [Капитонова, 2015, с. 587].

Исследуемые нами КСКРА функционируют в иронической тональности, которая определяется как «категория, служащая эксплицированию эмоционально-оценочной информации» [Тупикова, Семухина, 2017, с. 311]. Маркёрами иронической тональности являются: 1) паралингвистические знаки («улыбка, усмешка, ухмылка» [Шатуновский, 2016, с. 267]; 2) «специфическая ироническая интонация» [Шатуновский, 2016, с. 268]; 3) стилистические приёмы, например, цитация, игра слов, метафора (их использование направлено на «смещения семных компонентов, тем самым формируется иронический код, который меняет смысл текста на негативный» [Каличкина, 2022, с. 182]); 4) «специальные слова, <...> где функция сигнализации иронии фиксирована в словарном порядке» [Шатуновский, 2016, с. 268]. Решающее значение при экспликации иронии имеет коммуникатив-

ная ситуация, «включающая некое негативное событие и пресуппозиции собеседников; вне ситуации речи невозможно верно декодировать иронию» [Слепцова, 2008, с. 9].

3. Эксперимент [Experiment]

3.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили диалоги из произведений русской художественной литературы XXI века и современных отечественных сериалов, записи устной речи, диалоги пользователей интернет-форумов, а также данные Национального корпуса русского языка, где производился поиск по ключевым вопросительным словам, (повседневная коммуникация). Обращаясь к художественной прозе XXI века и современным сериалам, мы разделяем мнение тех учёных, которые считают их правомерными источниками изучения разговорно-обиходной речи [Винокур, 1980; Федосюк, 1997 и др.]. Диалоги, представленные в данных источниках, характеризуются «необходимостью подражать устной речи и воспроизводить её нормы, т. е. структурные особенности устного высказывания» [Агапова, 2003, с. 11].

В ходе исследования нами было проанализировано 46 произведений русской художественной прозы XXI века суммарным объёмом 10241 страниц и 23 современных отечественных сериала, содержащих 341 эпизод общей продолжительностью 151 час. При обработке материала мы опирались на классификацию прагматических транспозиций, представленную в работах Т. В. Нестеровой [Нестерова, 2019, 2021 б]. КСКРА несогласия и возражения были извлечены методом сплошной выборки. Определение конкретного значения высказывания в примерах осуществлялось при помощи метода контекстно-ситуативного анализа (с учётом параметров коммуникативной ситуации). В статье также был применён метод количественного анализа (подсчёт частотности употребления данных единиц).

Общий корпус примеров КСКРА с интенциями несогласия и возражения насчитывает 983 реализации. Доля КСКРА несогласия и возражения в форме вопроса из общего объёма этих примеров составила 14,2% (139 реализаций, из которых 30 – 21,6% – являются ироническими). Эти высказывания способны вступать в омонимичные отношения с ПРА вопроса и оформляются как при помощи вопросительных слов *где, куда, когда, кто, что, почему, как, какой, откуда, зачем, сколько*, так и без них. Данные реализации образуются в результате прагматической транспозиции: вопросительные высказывания являются транспонируемым средством, КСКРА несогласия и возражения – транспозитами. Нами выявлено, что ПРА вопроса (как с вопросительными словами *где, куда, кто, что, зачем, какой, почему, откуда, сколько*, так и без них) в результате прагматической транспозиции могут переходить в разряд иронических КСКРА с интенциями несогласия, возражения. Данные речевые реализации также вступают в отношения омонимии. Согласно полученным данным, наиболее употребительными в повседневной коммуникации являются КСКРА (в том числе и их иронические реализации), содержащие вопросительные слова *кто* и *почему*, что и послужило мотивом их выбора для анализа.

3.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Доля КСКРА с вопросительными словами *кто* и *почему* составила 22% от общего числа реализаций КСКРА несогласия и возражения в форме вопроса (12% и 10% соответственно).

Мы провели сравнение функционирования в повседневной коммуникации рогативов с вопросительными словами *кто* и *почему* (ПРА) и их транспозитов (КСКРА несогласия и возражения). Обратимся к примерам прагматической омонимии высказываний разных коммуникативных типов.

3.2.1. *Вопросительное высказывание с вопросительным словом **почему** и (иронический) КСКРА возражения [Why-question and (ironic) CSISA of objection]*

(1)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 женщины, около 30 лет. Обсуждают вакцинацию детей. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – *Ребёнку сделали прививку от коклюша. Почему он заболел?*

К2. – *Бывает, что организм не выработал антитела, причины разные* (форум «Мамы Стерлитамака»).

КСКРА возражения

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – женщины, около 70 лет, коллеги, работают в НИИ. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Гармоничное общение.

К1. – *Александр Иванович заболел. Сегодня не придёт.*

К2. – *Почему он заболел? Я его только что видела* (запись устной речи).

При помощи КСКРА возражения в форме вопроса оценивается как не соответствующее действительности иницирующее утверждение, а также передаётся эмоция удивления. Возражая собеседнику, говорящий использует «убеждающий аргумент», содержащий «ссылку на проверенный факт» [Нестерова, 2014, с. 201].

(2)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – женщины, им около 30 лет. Общение ведётся на интернет-форуме, где идёт обсуждение кормления грудных детей. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – *С какого возраста вы начали вводить прикорм? Педиатр говорит, что можно с пяти месяцев. А почему не с трёх?*

К2. – *Прислушайтесь к себе и ребёнку))) Я в 4 месяца начала давать кабачок* (форум «Woman.ru»).

Иронический КСКРА возражения

Коммуникативная ситуация: К1 – женщина, ей 30 лет. К2 – её молодой человек того же возраста. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Гармоничное общение.

К1. – *У тебя всего пятнадцать лет водительского стажа. Это не так много.*

К2. – *Это у меня права пятнадцать лет, а я вожу машину с пяти. Улавливаешь разницу?*

К1. – *А почему не с трёх?* (Шилова Ю., Интриганка, или Бойтесь женщину с вечной улыбкой)

К2, желая произвести впечатление на К1, преувеличивает свой опыт вождения. Эта ситуация становится причиной для реализации вопросительного иронического высказывания, при помощи которого К1 делает вид, что уточняет детали о водительском стаже К2. Имплицитный смысл этого РА – возражение на информацию, не соответствующую действительности. Ирония в выделенном РА достигается за счёт приёма «доведение до абсурда» слов собеседника: содержание риторического вопроса противоречит здравому смыслу.

3.2.2. *Вопросительное высказывание с вопросительным словом **почему** и (иронический) КСКРА несогласия [Why-question and (ironic) CSISA of disagreement]*

(1)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – мужчины, около 30 лет, участники Интернет-форума, на котором обсуждаются причины поломок машин. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Гармоничное общение.

К1. – *Машина VW golf 6 2010 года. Не всегда закрываются двери и иногда глохнет движок при снятии с охраны. Почему глюк?*

К2. – *Необходимо с помощью дилерского диагностического оборудования активировать функцию «Управление штатной сигнализации с помощью личинки» (форум «Starline»).*

КСКРА несогласия

Коммуникативная ситуация: К1 – молодой человек, около 20 лет, разработчик приложения для знакомств. К2 – девушка того же возраста, с которой К1 познакомился в рамках данного коммуникативного эпизода. К1 настроил своё приложение таким образом, что оно демонстрирует профиль К1 всем девушкам. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – *Что он там показывает?*

К2. – *Да какой-то глюк. Ты выпал.*

К1. – *Почему глюк? Я тоже в этой базе есть.*

К2. – *Ты хочешь сказать, что мы с тобой подходим на 97 процентов? (из т/с «Жуки»).*

К1 не согласен с оценкой ситуации, высказанной его новой знакомой. Рассматриваемый КСКРА передаёт эмоцию удивления.

(2)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 – мужчина, около 30 лет, пользователь платформы экспертного сообщества, где можно получить ответы на интересующие вопросы от профессионалов. К2 – мужчина, около 40 лет, эксперт этой платформы. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – *А почему на Луну [сейчас] не полететь?*

К2. – *Это очень дорого. При отсутствии политических стимулов и экономической необходимости нет смысла отправлять людей в рискованные и дорогие экспедиции туда, где всё могут сделать роботы (веб-сервис «Яндекс.Кью»).*

Иронический КСКРА несогласия

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – мужчины, около 40 лет. Общение ведётся на Интернет-форуме. Участники говорят о смысле жизни. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – *Что такое истинная жизнь и где шкала для её измерения?*

К2. – *Вам шкалу в виде номограммы или 3D графика? Изучать будете или жить? Мне кажется, жениться Вам, барин, надо.*

К1. – *А почему на Луну не полететь?* (форум «В гостях у Александра Клячина»)

К2 реагирует на ПРА запроса информации при помощи иронических РА предложения, а также выражает иронический совет, содержащий цитату из к/ф «Формула любви» (режиссёр – Марк Захаров). В качестве реакции на этот непрошенный совет чужого человека К1 реализует иронический КСКРА в форме вопроса, который имплицитно несогласие с оценочной частью инициирующего РА. Иронический эффект создаётся за счёт использования приёма «доведение до абсурда» высказывания партнёра по коммуникации: содержание риторического вопроса противоречит нашим знаниям об устройстве окружающего мира.

*3.2.3. Вопросительное высказывание с вопросительным словом **кто** и (иронический) КСКРА возражения [Who-questions and (ironic) CSISA of objection]*

(1)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – мужчины, около 50 лет. Общение происходит на форуме. К1 не может решить кроссворд и обращается за помощью к пользова-

телям данного сообщества. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – **Кто ругается?** Загаданное слово из 11 букв.

К2. – Я считаю, правильный ответ будет «сквернослов». Хотя просторечное слово «матерщинник» тоже 11 букв (форум «Большой вопрос.ру»).

КСКРА возражения

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – мужчины, около 40 лет. Общение происходит на форуме. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – *Прочистите глаза и уши, пожалуйста!*

К2. – *Не ругайся. Нас могут читать дети.*

К1. – **Кто ругается?** (форум «Virtualireland.ru»)

К1 возражает на информацию, содержащуюся в иницирующем РА просьбы-запрета. При помощи данного КСКРА адресант выражает эмоцию удивления.

(2)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 – женщина, около 40 лет. К2 – мужчина, около 30 лет. К3 – мужчина, около 40 лет. Общение происходит в социальной сети «ВКонтакте» в группе, посвящённой новостям района. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Гармоничное общение.

К1. – *Кто отвечает за порядок на пруду? Где лавочки, которые были в прошлом году?*

К2. – *Их переставили ближе к лесу.*

К1. – **А кто их переставил?**

К3. – *Компания какая-то (социальная сеть «ВКонтакте»).*

Иронический КСКРА возражения

Коммуникативная ситуация: К1 – мужчина, около 40 лет. К2 – его жена того же возраста. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Гармоничное общение.

К1. – *Юль, а где мои кроссовки?*

К2. – *Что?*

К1. – *Кроссовки. Я здесь их оставил.*

К2. – *Я не видела.*

К1. – **А кто их переставил?** (запись устной речи)

Говорящий знает, что именно К2 переставила кроссовки с привычного места, поэтому оценивает её высказывание как не соответствующее действительности. Он использует иронический КСКРА, в котором под вопросом имплицитно выражается возражение. Данный вопрос нарушает условие искренности: говорящий надевает речевую маску несведущего человека и притворяется, что его интересует ответ.

3.2.4. *Вопросительное высказывание с вопросительным словом **кто** и КСКРА возражения / несогласия-упрёка*

[Who-questions and CSISA of objection / disagreement-reproach]

(1)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 – мужчина, около 30 лет. К2 – женщина, около 30 лет. Общение происходит в группе социальной сети «ВКонтакте», в которой публикуются новости районной школы. К1 и К2 обсуждают открытие спортивной секции. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – **А кто тренер?**

К2. – *Сергей Алексеевич. Он чудный тренер!* (социальная сеть «ВКонтакте»)

КСКРА возражения-упрёка

Коммуникативная ситуация: К1 – мужчина, около 40 лет, главный тренер команды вуза по волейболу. К2 – мужчина, около 30 лет, помощник тренера. К1 и К2 вместе со сборной приехали в другой город на соревнование. К1 встретил своих старых друзей, которым боится признаться в том, что тренирует любительскую команду (раньше К1 работал в сборной страны), поэтому на время проведения турнира К1 передал свои полномочия К2. Волейболистки нарушили спортивный режим и отправились в ночной клуб, где встретили К1 и его друзей. Спортсменки отказали мужчинам в знакомстве, один из них оказался судьёй и во время матча принимал спорные решения в пользу соперниц. Отношения между коммуникантами: «вышестоящий-свой». Дисгармоничное общение.

К1. – *В знак протеста мы покидаем площадку. За мной!*

К2. – *Михаил Петрович! Это же техническое поражение будет! И вы не тренер!*

К1. – *А кто тренер? Ты, что ли? Ты даже нормально проследить не можешь, чтобы они по клубам не шастали* (из т/с «Дылды»).

Возражая на иницилирующее утверждение, К1, к тому же, упрекает К2 за невыполнение профессиональных обязанностей. Выделенный КСКРА реализуется на фоне эмоций возмущения, раздражения говорящего.

(2)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – мужчины, коллеги, работают в полиции, около 40 лет. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Гармоничное общение.

К1. – *А кто, по-твоему, хищение проморгал?*

К2. – *Артёмьев. Но он будет до последнего отрицать своё соучастие* (Тыналин А., Гипнотизёр в МВД).

КСКРА несогласия-упрёка

Коммуникативная ситуация: К1 – мужчина, около 50 лет, директор сельской школы. К2 и К3 – мужчины, около 40 лет, работают учителями в этой школе. К1, К2 и К3 являются давними друзьями. К4 – мужчина, около 40 лет, работает в местной полиции. К1, К2, К3, К4 ожидают приезд губернатора. Этот визит для них крайне нежелателен, поскольку К1, К2 и К3 растратили на личные нужды деньги, выделенные на ремонт школы. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Гармоничное общение между К1, К2 и К3. Дисгармоничное – между К1, К2, К3 и К4.

К1. – *Так, это у нас накладная на краску. На фасад школы. Тридцать банок.*

К2. – *Было дело. Я баню покрасил в два слоя. Осталось пару банок.*

К1. – *А вот это? Деньги на новую сантехнику. Четыре унитаза и две раковины.*

К3. – *Ну один унитаз и раковина у нас точно стоят.*

К4. – *А остальные где?*

К1. – *Не шуми, Маслов. Один, между прочим, мы тебе на днюху подогнали.*

К2. – *О, всё, хана, мужики! Теперь не отмажемся. Баскетбольная площадка, два кольца, разметка, мячи.*

К1. – *Сваливать надо.*

К4. – *Я тебе сейчас свалю! А мне тут потом одному, за вас за всех дуплиться?*

К3. – *Ну, тебе-то что.*

К4. – *А кто, по-твоему, хищение проморгал? Тем более у детей* (из т/с «Жуки»).

К4 не согласен с оценкой ситуации, реализованной в иницилирующей реплике К3, и выражает упрек за коммуникативное поведение К3. Использование лексемы «проморгать», имеющую в словаре помету «разг.-сниж» [Ефремова, 2000], а также вопросительного по форме РА помогают говорящему выразить эмоции раздражения, возмущения.

3.2.5. *Вопросительное высказывание с вопросительным словом кто и иронический КСКРА несогласия [Who-questions and ironic CSISA of disagreement]*

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1, К2, К3 – подростки старшего школьного возраста. К1 и К2 познакомились в данном коммуникативном эпизоде. К1 и К3 встречаются. К2 – бывшая девушка К1. Отношения между К1 и К2 – «равный-чужой», между К1 и К3, К2 и К3 – «равный-свой». Гармоничное общение.

К1. – *Кирилла нет дома.*

К2. – *Тогда я подожду его в гостиной.*

К1. – *Но...*

К2. – *Я его подруга. А кто ты такая?*

К3. – *Она моя девушка (Грин Э., Ворон).*

Иронический КСКРА несогласия

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – жена и муж, 30 лет. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Дисгармоничное общение.

К1. – *Да что же ты такое творишь?! – закричала я что было сил, и, выключив телевизор, спрятала пульт в карман махрового халата. – Ты на часы смотришь?*

К2. – *Смотрю. Уже семь часов утра, – невозмутимо ответил Андрей.*

<...>

К1. – *Но ведь ты тут живёшь не один и должен со мной считаться.*

К2. – *А кто ты такая?*

Последний вопрос прозвучал как издевательство <...>.

К1. – *Я твоя жена. Я всю ночь работала. Я очень устала и хочу спать (Шилова Ю., Обновление чувств, или Зачем придумали любовь?).*

Выделенный РА функционирует в рамках конфликтной ситуации общения между собеседниками и нарушает максимум вежливости. В этом случае, по мнению О. П. Ермаковой, ирония может реализовывать свой «агрессивный потенциал» и «часто содержит насмешку или даже издевательство» [Ермакова, 2014, с. 75]. В. И. Карасик пишет о том, что насмешка – коммуникативное действие, состоящее в понижении значимости объекта оценки <...> с намерением причинить ему зло и получить от этого удовольствие» [Карасик, 2011, с. 120]. Автор выделяет особый вид насмешки – «издевательскую насмешку», которая «акцентирует жестокость и стремление унижить человека, над которым подобным образом насмеваются» [Карасик, 2011, с. 123]. Использование этого вида насмешки, по мнению учёного, сигнализирует о том, что ирония «переходит» в сарказм [Карасик, 2011, с. 127]. Под сарказмом мы вслед за В. В. Чумаком понимаем «форму иронии», которая «обладает более высокой эмоциональной напряжённостью, относительной открытостью иронического намерения» [Чумак, 2005, с. 152–153]. На наш взгляд, выделенный иронический КСКРА содержит издевательскую насмешку (это отражено в авторской ремарке). Её появление связано с тем, что К2 не нравится работа жены (К1 официантка в баре, имеющем плохую репутацию) и он хочет подчеркнуть её низкое социальное положение. Иронический эффект создаётся за счёт использования риторического вопроса, содержание которого абсурдно в рамках данной коммуникативной ситуации. Имплицитный смысл этого РА – «я не согласен с тем, что должен с тобой считаться». Отметим, что К1 «прочитывает» истинную интенцию мужа, однако для гармонизации общения даёт реакцию на ПРА запроса информации.

4. Заключение [Conclusion]

Целью данной статьи было описание прагматической омонимии, возникшей в результате прагматической транспозиции, на примере ПРА вопроса и КСКРА несогласия,

возражения. Нами были рассмотрены ПРА запроса информации и КСКРА несогласия, возражения, содержащие в своей структуре вопросительные слова *кто* и *почему* и представляющие собой прагматические омонимы.

С помощью контекстно-ситуативного (дискурсивного) и количественного анализа, а также описательно-аналитического метода была выявлена доля КСКРА с вопросительными словами *кто* и *почему* от общего числа реализаций КСКРА несогласия и возражения в форме вопроса.

Учёт коммуникативно-прагматических условий реализации РА позволил интерпретировать конкретное значение каждого высказывания и выявить моноинтенциональные КСКРА несогласия, возражения и полиинтенциональные КСКРА несогласия, возражения, осложнённые коммуникативными смыслами упрёка и иронии.

Иронический смысл в проанализированных диалогах декодировался только в рамках конкретной коммуникативной ситуации с опорой на маркёры иронической тоналности, а также за счёт приёма доведения до абсурда слов собеседника.

Рассмотренные примеры прагматической омонимии высказываний разных коммуникативных типов – вопросительных высказываний и КСКРА несогласия и возражения – составляют лишь малую часть подобных речевых реализаций, анализ которых будет продолжен в рамках диссертационного исследования. Перспективным представляется создание типологии КСКРА несогласия и возражения в повседневной коммуникации (в том числе поликодовой), включающей рассмотрение реализаций данных интенций и в манипулятивном дискурсе.

Библиографический список

- Агапова, 2003 – Агапова С. Г. Прагмалингвистический аспект английской диалогической речи : автореф. дис. д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 ; Ростовский гос. пед. ун-т. Ростов-на-Дону, 2003. 42 с.
- Адамец, 1992 – Адамец П. Несколько замечаний о синтаксической омонимии в русском языке // Системные семантические связи языковых единиц. М. : Изд-во МГУ, 1992. С. 46–53.
- Андреева, 1984 – Андреева С. В. Реализация семы вопросительности в русской разговорной речи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1984. 234 с.
- Арнольд, 2002 – Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2002. 284 с.
- Арутюнова, 1986 – Арутюнова Н. Д. Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 50–64.
- Арутюнова, 1998 – Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 895 с.
- Ахманова, 2005 – Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. 2-е изд., стер. М. : УРСС, 2005. 294 с.
- Бабайцева, 2000 – Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М. : Дрофа, 2000. 638 с.
- Балашова, 2006 – Балашова Л. Б. Антропоцентрическая составляющая в дискурсе вопрошания : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; ДГУ. Махачкала, 2006. 178 с.
- Бердник, 1974 – Бердник Л. Ф. Вопросительные предложения с повествовательным значением в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Ростовский гос. ун-т. Ростов-на-Дону, 1974. 192 с.
- Бирюкова, 2008 – Бирюкова Т. Г. Лингвистический эксперимент как основной метод исследования стилистического чутья учащихся // *Philologos*. 2008. № 1–2 (4). С. 9–17.
- Болдырев, 2011 – Болдырев Н. Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2011. № 1 (26). С. 5–14.
- Боргер, 2004 – Боргер Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции. На материале современных драматических произведений : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Тюменский гос. ун-т. Тюмень, 2004. 173 с.

- Брызгунова, 1979 – Брызгунова Е. А. Смысловое взаимодействие предложений // Синтаксис текста. М. : Наука, 1979. С. 78–90.
- Винокур, 1980 – Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М. : Наука, 1980. 237 с.
- Власова, 2020 – Власова О. Б. Логическое ударение сквозь призму морфологии // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. : Филология. 2020. № 1 (64). С. 89–94.
- Гельпей, 2007 – Гельпей Е. А. Конструктивная роль фреймов прагматической связности реплик в диалогической речи: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Южный фед. ун-т. Ростов-на-Дону, 2007. 149 с.
- Глазкова, 2007 – Глазкова С. Н. Специфика функционирования вопросительных высказываний в педагогическом диалоге : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Челябинский гос. ун-т. Челябинск, 2007. 229 с.
- Грайс, 1985 – Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Гребенева, 2012 – Гребенева Ю. Н. Транспозиция и омонимия. Транспозиция: переход слов из одной части речи в другую. Омонимия: функциональная и грамматическая слов разных частей речи : справочное пособие. Ливны : Мухаметов Г. В., 2012. 396 с.
- Данеш, 1964 – Данеш Ф. Опыт теоретической интерпретации синтаксической омонимии // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 3–16.
- Дементьев, 2000 – Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2000. 248 с.
- Егорова, 1989 – Егорова Т. Г. Функционально-семантические и прагматические особенности вопросительных высказываний, имплицитующих отрицание: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Киевский гос. пед. ин-т иностр. языков. Киев, 1989. 24 с.
- Ермакова, 2014 – Ермакова О. П. Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). С. 74–80.
- Ефремова, 2000 – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova> (дата обращения : 29.04.2023).
- Жаров, 1997 – Жаров В. Е. Прагматический аспект стилистических средств выражения иронии в синтагматике: на материале пьес франкоязычных авторов 80–90 гг. XX в. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 ; МПГУ. М. : 1997. 201 с.
- Иссерс, 1999 – Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск : ОмГУ, 1999. 284 с.
- Каличкина, 2022 – Каличкина Т. И. Ирония как способ экспликации лингвокультурных особенностей современной политической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.5 ; Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. М. : 2022. 238 с.
- Капитонова, 2015 – Капитонова И. В. Нарушение конвенциональных норм речевого поведения в ответной реплике (на материале современного французского художественного диалога) // Вестник Башкирского ун-та. 2015. Т. 20, № 2. С. 586–590.
- Карасик, 2011 – Карасик В. И. Концептуализация насмешки в языковом сознании // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 119–129.
- Ким, 1978 – Ким О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент : Фан, 1978. 227 с.
- Кобозева, 1988 – Кобозева И. М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности: Перевод и лингвистический анализ. М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1988. С. 39–46.
- Колесников, 1981 – Колесников Н. П. Синтаксическая омонимия в простом предложении. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1981. 145 с.
- Колшанский, 1984 – Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М. : Наука, 1984. 175 с.
- Константинова, 2017 – Константинова А. Ю. Повседневное общение как объект коммуникативной лингвистики (на примере коммуникации в научной сфере) // Русский язык за рубежом. 2017. № 5. С. 27–34.

- Кубарев, 1963 – Кубарев Е. М. Интонационно-отрицательные конструкции со словами разве, неужели, хоть бы, если бы, будто, чтобы в русском языке в сопоставлении с немецким, французским, английским языками : дис. ... канд. филол. наук : 10.00.00 ; Куйбышев, 1963. 281 с.
- Кунаева, 2009 – Кунаева Н. В. Дискурсивный анализ высказываний в ситуации возражения: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; ВГУ. Воронеж, 2009. 225 с.
- Лужная, 2022 – Лужная М. М. Иронические речевые акты несогласия и возражения в повседневной коммуникации // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2022. Т. 11, № 2. С. 30–39. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2022-11-2-30-39>
- Ляшенко, 2020 – Ляшенко Т. В. Транспозиция. К истории вопроса // Язык и культура: взгляд молодых : материалы III Междунар. науч. конф. студентов и школьников, Междунар. Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. С. 277–283.
- Матевосян, 2005 – Матевосян Л. Б. Стационарное высказывание как структурная основа речевого общения: на материале русского языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; Ин-т языкознания РАН. М., 2005. 297 с.
- Меликян, 2016 – Меликян В. Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели. М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. 333 с.
- Минина, 2006 – Минина С. В. Аномальные коммуникативные ситуации, обусловленные нарушением принципа кооперации (в сфере вопросно-ответного дискурса) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Орловский гос. ун-т. Орел, 2006. 167 с.
- Мирсеитова, 1991 – Мирсеитова С. С. Транспозиция вопросительных предложений в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Московский лингв. ун-т. М., 1991. 170 с.
- Михайлов, 1994 – Михайлов Л. М. Коммуникативная грамматика немецкого языка : учебник. М. : Высш. шк., 1994. 255 с.
- Михальская, 1998 – Михальская А. К. Прагматическая омонимия // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской. М. : Флинта, Наука, 1998. С. 167–168.
- Муханов, 1988 – Муханов И. Л. Субъективно-модальные значения экспрессивно-отрицательных предложениями со словами какой и какое: функционально-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. М., 1988. 242 с.
- Нестерова, 2014 – Нестерова Т. В. Аргументативный дискурс в обиходно-бытовой сфере (русскоязычное общение) // Европейский журнал социальных наук. 2014. № 12 (51). С. 200–207.
- Нестерова, 2013 а – Нестерова Т. В. Косвенные речевые акты в обиходном общении русских // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. Т. 2, № 6. С. 26–34. <https://doi.org/10.12737/1893>
- Нестерова, 2013 б – Нестерова Т. В. Транспонированное употребление этикетных РА коммуникативно-семантической группы «Извинение» // Вопросы языка в современных исследованиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ярославль : Ремдер, 2013. С. 61–66.
- Нестерова, 2015 – Нестерова Т. В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (47) : в 2-х ч. Ч. I. С. 156–162.
- Нестерова, 2021 а – Нестерова Т. В. Прагматические транспозиции вопросительных высказываний в повседневной коммуникации // Русский язык за рубежом. 2021. № 1 (284). С. 52–63.
- Нестерова, 2021 б – Нестерова Т. В. Прагматические транспозиции этикетных речевых актов в повседневной русскоязычной коммуникации // Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве : сб. материалов Междунар. науч. конгресса. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2021. С. 64–68.
- Нестерова, 2019 – Нестерова Т. В. Транспонированное употребление этикетных речевых актов (коммуникативно-прагматический подход) // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи : сб. науч. тр. Междунар. науч. симпозиума. Ярославль : Изд-во Ярославского гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 2019. С. 538–545.
- Падучева, 2008 – Падучева Е. В. Высказывание и его соотносённость с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / отв. ред. В. А. Успенский. 5-е изд., испр. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 296 с.

- Походня, 1984 – Походня С. И. Языковые средства выражения иронии в англоязычной художественной прозе: на материале английской и американской художественной литературы конца XIX–XX веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Киев, 1984. 218 с.
- Почепцов, 1980 – Почепцов Г. Г. Прагматика текста // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств : межвуз. тематич. сб. Калинин : Калининский гос. ун-т, 1980. С. 5–10.
- Ремизова, 2001 – Ремизова С. А. Вопросительность в диалоге: специфика речевых реализаций (на материале английского, немецкого и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2001. 239 с.
- Седов, 2011 – Седов К. Ф. Речежанровая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности // Жанры речи. Вып. 7 : Жанр и языковая личность. Саратов, 2011. С. 25–46.
- Сёрль, 1986 – Сёрль Дж. Р. Косвенные речевые акты / пер. с англ. Н. В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 : Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 195–222.
- Сиротинина, 2007 – Сиротинина О. Б. Хорошая речь. М. : ЛКИ, 2007. 317 с.
- Скворцова, 1988 – Скворцова Е. В. Интонация субъективно-модальных разновидностей местоименного вопроса в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, М., 1988. 237 с.
- Слепцова, 2008 – Слепцова М. А. Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 ; СПбГУ. СПб., 2008. 172 с.
- Смирнова, 2002 – Смирнова М. Д. Предложения с вопросительными словами в функции возражения: когнитивно-лингвистический анализ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 ; МГУ. М., 2002. 118 с.
- Степанова, 2009 – Степанова О. Ю. Функциональные омонимы, объединённые омокомплексом что : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; МПГУ. М., 2009. 193 с.
- Трофимова, 2008 – Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. Спб. : Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
- Труб, 1994 – Труб В. М. О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценки истинности // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 44–61.
- Тупикова, Семухина 2017 – Тупикова С. Е., Семухина Е. А. Когнитивные модели иронической тоналности // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 311–314.
- Федосюк, 1997 – Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. 1997. № 1. С. 66–88.
- Фёдорова, 1996 – Фёдорова Л. В. Омонимия вопросительных предложений // Семантика слова в контексте высказывания : межвуз. сб. науч. тр. М. : МПУ, 1996. С. 66–74.
- Формановская, 2007 – Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М. : Изд-во Икар, 2007. 480 с.
- Формановская, 2007 – Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Русский язык, 2002. 216 с.
- Цурикова, 1992 – Цурикова Л. В. Вопрос и прагматический диапазон вопросительного предложения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; ВГУ. Воронеж, 1992. 173 с.
- Чернова, 2002 – Чернова Л. В. Структурно-синтаксические и семантические особенности конструкций, оформленных местоименными и местоименно-наречными словами с квалифицирующим значением : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2002. 231 с.
- Чумак, 2005 – Чумак В. В. Прагматика языка иронических высказываний в драматургических произведениях английских и американских авторов XX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 ; Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2005. 176 с.
- Шатуновский, 2016 – Шатуновский И. Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке. М. : ЯСК, 2016. 480 с.
- Шигуров, 2009 – Шигуров В. В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи: материалы к транспозиционной грамматике русского языка. М. : Academia, 2009. 463 с.
- Шилихина, 2014 – Шилихина К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии. Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014. 304 с.

- Шмелёв, 2002 – Шмелёв Д. Н. О некоторых особенностях употребления вопросительных местоимений и наречий в разговорной речи // Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 280–288.
- Шмелёва, 2012 – Шмелёва Т. В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи. Вып. 8. Саратов, 2012. С. 26–37.
- Ярцева, 2002 – Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002. 709 с.
- Lakoff, Tannen, 1984 – Lakoff R., Tannen D. Conversational strategy and metastrategy in a pragmatic theory: The example of Scenes from a Marriage // *Semiotica*. 1984. Vol. 49. N 3–4. P. 323–346.
- Tannen, 1980 – Tannen D. Toward a theory of conversational style: the machine-gun question // *Wortilli. Papers in Sociolinguistics* 67–73. N 73. Austin, Tex.: Southwest Educational Development Laboratory, 1980. P. 1–16.

References

- Agapova, S. G. (2003). *Pragmalingvisticheskiy aspekt angliyskoy dialogicheskoy rechi [Pragmalinguistic aspect of English dialogic speech]*. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Rostov-on-Don: Rostov State Pedagogical University. (In Russ.).
- Adamets, P. (1992). Sistemnye emanticheskie svyazi yazykovykh edinits [A few notes on syntactic homonymy in Russian]. *Sistemnye semanticheskie svyazi yazykovykh edinic [Systematic semantic relations in linguistic units]* (pp. 46–53). Moscow: Lomonosov Moscow State University Press. (In Russ.).
- Andreeva, S. V. (1984). *Realizatsiya semy voprositel'nosti v russkoy razgovornoy rechi [Implementation of the seme of interrogation in Russian colloquial speech]*. PhD in Philological sci. diss. Saratov: Saratov Chernyshevsky State University. (In Russ.).
- Arnol'd, I. V. (2002). *Stilistika. Sovremennyy angliiskiy yazyk. [Stylistics. Modern English]*. Moscow: Flinta Press: Nauka Press. (In Russ.).
- Arutjunova, N. D. (1986). Dialogicheskaya tsitatsiya: k probleme chuzhoy rechi [Quotations in dialogue (Problems of reported speech)]. *Voprosy yazykoznanija [Topics in the Study of Language]*, 1, 50–64. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1998). *Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]*. Moscow: Languages of Russian Culture Press. (In Russ.).
- Akhmanova, O. S. (2005). *Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii [Essays on general and Russian lexicology]*. Moscow: URSS Press. (In Russ.).
- Babaitseva, V. V. (2000). *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka [The phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language]*. Moscow: Drofa Press. (In Russ.).
- Balashova, L. B. (2006). *Antropotsentricheskaya sostavlyayushchaya v diskurse voprosaniya [The anthropocentric component in the discourse of questioning]*. PhD in Philological sci. diss. Makhachkala: Dagestan State University. (In Russ.).
- Berdnik, L. F. (1974). *Voprositel'nye predlozheniya s povestvovatel'nym znacheniem v sovremennom russkom yazyke [Interrogative sentences with declarative meaning in modern Russian]*. PhD in Philological sci. diss. Rostov-on-Don. (In Russ.).
- Biryukova, T. G. (2008). Lingvisticheskiy eksperiment kak osnovnoy metod issledovaniya stilisticheskogo chut'ya uchashchihsya [Linguistic experiment as the main tool of studying the pupils' stylistic intuition]. *Filologos*, 1–2 (4), 9–17. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2011). Kontseptualizatsiya funktsii otritsaniya kak osnova formirovaniya kategorii [Conceptualization of a negation function as a basis for the category formation]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]*, 1 (26), 5–14. (In Russ.).
- Borger, Ya. V. (2004). *Kompleksnyy analiz rechevykh aktov negativnoy reaktsii. Na materiale sovremennykh dramaticheskikh proizvedeniy [Comprehensive analysis of speech acts of a negative reaction (A case study of modern drama)]*. PhD in Philological sci. diss. Tyumen'. (In Russ.).
- Bryzgunova, E. A. (1979). Smyslovoe vzaimodeystvie predlozheniy [Semantic interaction of sentences]. *Sintaksis teksta [Text syntax]* (pp. 78–90). Moscow: Nauka Press. (In Russ.).
- Vinokur, T. G. (1980). *Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovaniya yazykovykh edinits [Patterns of stylistic use of language units]*. Moscow: Nauka Press. (In Russ.).

- Vlasova, O. B. (2020). Logicheskoe udarenie skvoz' prizmu morfologii [Logical stress through the prism of morphology]. *Vestnik Tverskogo gos. un-ta. Ser. : Filologiya [Herald of Tver State University. Series : Philology]*, 1 (64), 89–94. (In Russ.).
- Gel'pei, E. A. (2007). *Konstruktivnaya rol' freimov pragmaticheskoy svyaznosti replik v dialogicheskoy rechi: na materiale angliyskogo yazyka [The constructive role of pragmatic coherence frames in replicas in dialog (A case study of English)]*. PhD in Philological sci. diss. Rostov-on-Don. (In Russ.).
- Glazkova, S. N. (2007). *Spetsifika funktsionirovaniya voprositel'nykh vyskazyvaniy v pedagogicheskom dialoge [Specificity of interrogative utterances functioning in pedagogical dialogue]*. PhD in Philological sci. diss. Chelyabinsk. (In Russ.).
- Grais, G. P. (1985). Logika i rechevoe obshchenie [Logic and speech communication]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in foreign linguistics]* (Vol. 16, pp. 217–237). Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Grebeneva, Yu. N. (2012). *Transpozitsiya i omonimiya. Transpozitsiya: perekhod slov iz odnoy chasti rechi v druguyu. Omonimiya: funktsional'naya i grammaticheskaya slov raznykh chastey rechi [Transposition and homonymy. Transposition: The transition of words from one part of speech to another. Functional and grammatical homonymy of different parts of speech]*. Livny : Mukhametov G. V. Press. (In Russ.).
- Daneš, F. (1964) Opyt teoreticheskoy interpretatsii sintaksicheskoy omonimii [Contribution to the theoretical interpretation of syntactical homonymy]. *Voprosy jazykoznanija [Topics in the Study of Language]*, 6, 3–16. (In Russ.).
- Dement'ev, V. V. (2000). *Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry [Indirect communication and its genres]*. Saratov : Saratov University Press. (In Russ.).
- Egorova, T. G. (1989). *Funktsional'no-semanticheskie i pragmaticheskie osobennosti voprositel'nykh vyskazyvaniy, implitsiruyushchikh otritsanie: na materiale angliyskogo yazyka [Functional and semantic, pragmatic features of interrogative statements implying negation (A case study of English)]*. PhD in Philological sci. diss. Kiev. (In Russ.).
- Ermakova, O. P. (2014). Yavlyaetsya li ironiya rechevym zhanrom? (eshche raz o nekotorykh osobennostyakh ironii) [Is Irony a speech genre? (Once again, about some features of Irony)]. *Zhanry rechi [Speech Genres]*, 1–2 (9–10), 74–80. (In Russ.).
- Efremova, T. F. (2000). *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyy [New dictionary of Russian language]*. Moscow : Drofa Press. (In Russ.).
- Zharov, V. E. (1997). *Pragmaticheskiy aspekt stilisticheskikh sredstv vyrazheniya ironii v sintagmatike: na materiale p'es frankoyazychnykh avtorov 80–90 gg. XXv. [The pragmatic aspect of stylistic means of expressing irony in syntagmatics (A case study of the French language authors plays of 80–90s of the XX century)]*. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Pedagogical State University. (In Russ.).
- Issers, O. S. (1999). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]*. Omsk : Omsk State University Press. (In Russ.).
- Kalichkina, T. I. (2022). *Ironiya kak sposob eksplikatsii lingvokul'turnykh osobennostei sovremennoi politicheskoi kommunikatsii [Irony as a way of linguistic and cultural features explication of modern political communication]*. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.).
- Kapitonova, I. V. (2015). Narushenie konvetsional'nykh norm rechevogo povedeniya v otvetnoy replike (na materiale sovremennogo frantsuzskogo khudozhestvennogo dialoga) [Violation of the conventional norms of speech behavior in a reciprocal replica (Based on modern French dialogue in fiction)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University]*, 2, 586–590. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2011). Kontseptualizatsiya nasmeshki v yazykovom soznanii [Conceptualization of ridicule in the linguistic consciousness]. *Aktualnye problemi filologii i pedagogicheskoi lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]*, 13, 119–129. (In Russ.).
- Kim, O. M. (1978). *Transpozitsiya na urovne chastey rechi i yavlenie omonimii v sovremennom russkom yazyke [Transposition at the parts of speech level and the phenomenon of homonymy in modern Russian]*. Tashkent : Fan Press. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (1988). O pervichnykh i vtorichnykh funktsiyakh voprositel'nykh predlozheniy [On primary and secondary functions of interrogative sentences]. *Tekst v rechevoy deyatel'nosti: Perevod i lingvisticheskiy analiz [Text in speech activity: Translation and linguistic analysis]* (pp. 39–46). Moscow : Institute of Linguistics Press. (In Russ.).

- Kolesnikov, N. P. (1981). *Sintaksicheskaya omonimiya v prostom predlozhenii* [Syntactic homonymy in a simple sentence]. Rostov-on-Don : Rostov University Press. (In Russ.).
- Kolshanskii, G. V. (1984). *Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka* [Communicative function and structure of language]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Konstantinova, A. Yu. (2017). Povsednevnoe obshhenie kak ob"ekt kommunikativnoy lingvistiki (na primere kommunikatsii v nauchnoy sfere) [Everyday communication as an object of communicative linguistics (On the example of the communication in scientific sphere)]. *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 5, 27–34. (In Russ.).
- Kubarev, E. M. (1963). *Intonatsionno-otritsatel'nye konstruksii so slovami razve, neuzheli, khot' by, esli by, budto, chtoby v russkom yazyke v sopostavlenii s nemetskim, frantsuzskim, angliyskim yazykami* [Intonation in negative constructions with the words unless, really, even if, if, in Russian in comparison with German, French and English]. PhD in Philological sci. diss. Kuibyshev. (In Russ.).
- Kunaeva, N. V. (2009). *Diskursivnyy analiz vyskazyvaniy v situatsii vozrazheniya* [Discursive analysis of statements in the situation of objection: A case study of the English language]. PhD in Philological sci. diss. Voronezh. (In Russ.).
- Luzhnaya, M. M. (2022). Ironicheskie rechevye akty nesoglasii i vozrazheniya v povsednevnoy kommunikatsii [Ironic speech acts of disagreement and objection in everyday communication]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies], 11 (2), 30–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2022-11-2-30-39>
- Lyashenko T. V. (2020). Transpozitsiya. K istorii voprosa [Transposition. To the history of the issue]. *Yazyk i kul'tura: vzglyad molodykh* [Language and culture: The view of the young]: Proc. III International Conference of students and pupils, International Cyril-Methodius Festival of Slavic languages and cultures (pp. 277–283). Moscow : Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.).
- Matevosyan, L. B. (2005). *Statsionarnoe vyskazyvanie kak strukturnaya osnova rechevogo obshcheniya: na materiale russkogo yazyka* [Stationary utterance as a structural basis for speech communication (A case study of the Russian language)]. Doctoral in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Melikyan, V. Yu. (2016). *Slovar' ekspressivnykh ustoychivyykh fraz russkogo yazyka. Frazeoskhemy i ustoychivye modeli* [Dictionary of expressive idiomatic phrases of the Russian language]. Moscow : FLINTA Press : Nauka Press. (In Russ.).
- Minina, S. V. (2006). *Anomal'nye kommunikativnye situatsii, obuslovlennye narusheniem printsipa kooperatsii (v sfere voprosno-otvetnogo diskursa)* [Abnormal communicative situations caused by violation of the principle of cooperation (The field of question-and-answer discourse)]. PhD in Philological sci. diss. Orel. (In Russ.).
- Mirseitova, S. S. (1991). *Transpozitsiya voprositel'nykh predlozhenii v sovremenom angliyskom yazyke* [Transposition of interrogative sentences in modern English]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State Linguistic University. (In Russ.).
- Mikhailov, L. M. (1994). *Kommunikativnaya grammatika nemetskogo yazyka* [Communicative grammar of the German language]. Moscow. (In Russ.).
- Mikhal'skaya, A. K. (1998). Pragmaticheskaya omonimiya [Pragmatic homonymy]. In T. A. Ladyzhenskaya, A. K. Mikhal'skaya (Eds.), *Pedagogicheskoe rechevedenie* [Pedagogical speech production] (pp. 167–168). Moscow : Flinta Press, Nauka Press. (In Russ.).
- Mukhanov, I. L. (1988). *Sub"ektivno-modal'nye znacheniya ekspressivno-otritsatel'nykh predlozheniyami so slovami kakoy i kakoe: funktsional'no-pragmaticheskiy aspekt* [Subjective and modal meanings of expressive and negative sentences with the word which: Functional and pragmatic aspect]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.).
- Nesterova, T. V. (2014). Argumentativnyy diskurs v obihodno-bytovoy sfere (russkoyazychnoe obshchenie) [Argumentative discourse in everyday speech (Russian communication)]. *Evropeiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* [European Social Science Journal], 2 (51), 200–207. (In Russ.).
- Nesterova, T. V. (2013 a). Kosvennyye rechevye akty v obikhodnom obshhenii russkikh [Indirect speech acts in the Russians' everyday communication]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies], 6, 26–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/1893>

- Nesterova, T. V. (2013 b). Transponirovannoe upotreblenie etiketnykh RA kommunikativno-semanticheckoy gruppy “Izvinenie” [Transposed usage of etiquette speech acts of the communicative-semantic group “Apology”]. *Voprosy yazyka v sovremennykh issledovaniyakh [Language issues in modern research]* (pp. 61–66). Yaroslavl : Remder Press. (In Russ.).
- Nesterova, T. V. (2015). Nepryamaya kommunikatsiya v obikhodnoy sfere (russkoyazychnoe obshchenie) [Indirect communication in everyday sphere (The Russian language interaction)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 5 (47), 156–162. (In Russ.).
- Nesterova, T. V. (2021 a). Pragmaticheskie transpozitsii voprositel'nykh vyskazyvaniy v povsednevnoy kommunikatsii [Pragmatic transpositions of interrogative statements in everyday communication]. *Russkii yazyk za rubezhom [Russian Language Abroad]*, 1 (284), 52–63. (In Russ.).
- Nesterova, T.V. (2021 b). Pragmaticheskie transpozitsii etiketnykh rechevykh aktov v povsednevnoy russkoyazychnoy kommunikatsii [Pragmatic transposition of etiquette speech acts in everyday Russian-language communication]. *Russkiy yazyk v global'nom nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve [Russian language in the global scientific and educational space]* (pp. 64–68). Moscow : Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.).
- Nesterova, T.V. (2019). Transponirovannoe upotreblenie etiketnykh rechevykh aktov (kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod) [Transposed usage of etiquette speech acts (communicative and pragmatic approach)]. *Russkaya grammatika: aktivnye processy v yazyke i rechi [Russian grammar: Active processes in language and speech]* (pp. 538–546). Yaroslavl : Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Press. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2008). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii [The utterance and its correlation with reality (Referential aspects of the semantics of pronouns)]*. Moscow : LKI Press. (In Russ.).
- Pokhodnya, S. I. (1984). *Yazykovye sredstva vyrazheniya ironii v angloyazychnoy khudozhestvennoy proze: na materiale angliyskoy i amerikanskoy khudozhestvennoy literatury kontsa XIX–XX vekov [Linguistic means of expressing irony in English fiction: A case study of English and American fiction of the late XIX–XX centuries]*. PhD in Philological sci. diss. Kiev. (In Russ.).
- Pochepstov, G. G. (1980). Pragmatika teksta [Pragmatics of the text]. *Kommunikativno-pragmaticheskie i semanticheskie funktsii rechevykh edinstv [Communicative and pragmatic and semantic functions of speech units]* (pp. 5–19). Kalinin : Kalinin State University. (In Russ.).
- Remizova, S. A. (2001). *Voprositel'nost' v dialoge: spetsifika rechevykh realizatsii (na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov) [Interrogativeness in dialogue: The specifics of speech manifestations (A case study of English, German and Russian)]*. PhD in Philological sci. diss. Krasnodar : Kuban State University. (In Russ.).
- Searle, J. R. (1986). Kosvennyye rechevye akty [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike [New in Foreign Linguistics]*, 17, 195–222. (In Russ.).
- Sedov, K. F. (2011). Rechezhanrovaya identichnost' kak komponent kommunikativnoy kompetentsii lichnosti [Speech genre identity as a component of a person's communicative competence]. *Zhany rechi [Speech Genres]*, 7, 25–46. (In Russ.).
- Sirotnina, O. B. (2007). *Khoroshaya rech [Good speech]*. Moscow : LKI Press. (In Russ.).
- Skvortsova, E. V. (1988). *Intonatsiya sub"ektivno-modal'nykh raznovidnostey mestoimennogo voprosa v russkom yazyke [Intonation of subjective and modal varieties of a pronominal question in Russian]*. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.).
- Sleptsova, M. A. (2008). *Ironiya kak kosvennyy rechevoy akt otritsatel'noy otsenki. [Irony as an indirect speech act of negative evaluation]*. PhD in Philological sci. diss. St Petersburg : St Petersburg State University. (In Russ.).
- Smirnova, M. D. (2002). *Predlozheniya s voprositel'nymi slovami v funktsii vozrazheniya: kognitivno-lingvisticheskiy analiz [Sentences with interrogative words in the function of objection: Cognitive and linguistic analysis]*. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Lomonosov Moscow State University. (In Russ.).
- Stepanova, O. Yu. (2009). *Funktional'nye omonimy, ob"edinennye omokompleksom chto [Functional homonyms united by the homocomplex that]*. PhD in Philological sci. diss. Moscow State Pedagogical University. (In Russ.).

- Trofimova, N. A. (2008). *Ekspressivnye rechevye akty v dialogicheskom diskurse. Semanticheskiy, pragmaticheskiy, grammaticheskiy analiz [Expressive speech acts in dialogical discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis]*. St Petersburg : VVM Press. (In Russ.).
- Trub, V. M. (1994). O kommunikativnykh aspektakh otritsaniya kak negativnoy otsenki istinnosti [Communicative aspects of negation viewed as negative evaluation of reality]. *Voprosy jazykoznanija [Topics in the Study of Language]*, 1, 44–61. (In Russ.).
- Tupikova, S. E., Semukhina, E. A. (2017). Kognitivnye modeli ironicheskoy tonal'nosti [Cognitive models of ironic tonality]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Language Studies]*, 30, 311–314. (In Russ.).
- Fedorova, L. V. (1996). Omonimiya voprositel'nykh predlozheniy [Homonymy of interrogative sentences]. *Semantika slova v kontekste vyskazyvaniya [Semantics of a word in the context of an utterance]: A collection of scientific papers* (pp. 66–74). Moscow : Moscow Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Fedosyuk, M. Yu. (1997). Issledovanie sredstv rechevogo vozdeystviya i teoriya zhanrov rechi [The research of means of speech impact and the theory of speech genres]. *Zhanry rechi [Speech Genres]*, 1, 66–88. (In Russ.).
- Formanovskaya, N. I. (2007). *Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikatsiya i pragmatika [Speech interaction: Communication and pragmatics]*. Moscow : Ikar Press. (In Russ.).
- Formanovskaya, N. I. (2002). *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod [Speech communication: A communicative and pragmatic approach]*. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).
- Tsurikova, L. V. (1992). *Vopros i pragmaticheskiy diapazon voprositel'nogo predlozheniya [Question and pragmatic range of interrogative sentences]*. PhD in Philological sci. diss. Voronezh : Voronezh State University. (In Russ.).
- Chernova, L. V. (2002). *Strukturno-sintaksicheskie i semanticheskie osobennosti konstruktssii, oformlennykh mestoimennymi i mestoimennenno-narechnymi slovami s kvalifitsiruyushchim znacheniem [Structure, syntactic and semantic features of constructions with pronominal and adverbial words with qualifying meaning]*. PhD in Philological sci. diss. Stavropol. (In Russ.).
- Chumak, V. V. (2005). *Pragmatika yazyka ironicheskikh vyskazyvaniy v dramaturgicheskikh proizvedeniyakh angliyskikh i amerikanskikh avtorov XX veka [Pragmatics of ironic statements language in the dramatic works of English and American authors of the 20th century]*. PhD in Philological sci. diss. Krasnodar. (In Russ.).
- Shatunovskiy, I. B. (2016). *Rechevye deystviya i deystviya mysli v russkom yazyke [Speech actions and actions of thought in Russian]*. Moscow : YaSK Press. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2009). *Inter"ektivatsiya kak tip stupenchatoy transpozitsii yazykovykh edinit v sisteme chastey rechi: (materialy k transpozitsionnoy grammatike russkogo yazyka) [Interjection as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech: Materials for the transpositional grammar of the Russian language]*. Moscow : Academia Press. (In Russ.).
- Shilikhina, K. M. (2014). *Semantika i pragmatika verbal'noy ironii [Semantics and pragmatics of verbal irony]*. Voronezh : Nauka-Yunipress. (In Russ.).
- Shmelev, D. N. (2002). O nekotorykh osobennostyakh upotrebleniya voprositel'nykh mestoimeniy i narechiy v razgovornoy rechi [About some features of the use of interrogative pronouns and adverbs in colloquial speech]. *Izbrannye trudy po russkomu yazyku [Selected Works on the Russian Language]* (pp. 280–288). Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.).
- Shmelyova, T. V. (2012). Zhanr v sovremennoy mediasfere [Genre in contemporary media sphere]. *Zhanry rechi [Speech Genres]*, 8, 26–37. (In Russ.).
- Yartseva, V. N. (2002). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]*. Moscow : Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Lakoff, R., Tannen, D. (1984). Conversational strategy and metastrategy in a pragmatic theory: The example of Scenes from a Marriage. *Semiotica*, 49 (3–4), 323–346.
- Tannen, D. (1980). Toward a theory of conversational style: The machine-gun question. *Wortilli. Papers in Sociolinguistics* 67-73 (No. 73, pp. 1-16). Austin, Tex. : Southwest Educational Development Laboratory.